

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ХУДОЖЕСТВЕННОМУ РУКОВОДИТЕЛЮ ТЕАТРА ИМ. ВАХТАНГОВА МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ УЛЬЯНОВУ ОТ ЭРИСТА ЗОРИНА, БЫВШЕГО АРТИСТА ТЕАТРА ИМ. ВАХТАНГОВА, НЕЖЕ ГРАЖДАНИН США

Михаил Александрович!

8 ноября 1986 года Театр им. Вахтангова отпраздновал свое 75-летие, в этот день другие спектакли "Принцесса Турандот" в постановке 1983 года.

Известнейшая роль Труффальдино в "Принцессе Турандот" в течение пятидесяти лет и эмигрировавший из СССР в 1980 году, я был приглашен режиссером по восстановлению спектакля Флорентино О.Н. сыграть вторично из дружбы предательства.

Я с радостью летел в Москву вновь вдохнуть чудесный аромат вахтанговской сцены, которого мне так не хватало в эмиграции, когда я играл мои ставшие для сценических площадок Америки, Германии, Франции, Израиля. С удовольствием я присутствовал на первом представлении, когда Труффальдино играл другой актер, только каждое слово до боли знакомой, нашей (подчеркнуто: не моей тоже!) "Принцессе Турандот" принадлежало и принадлежало.

Но после первого спектакля Вы, Михаил Александрович, объявили мне, что второй спектакль — ради чего я и приехал в Москву — я играть не буду. Тем же, по Вашим словам, ЧАСТЬ ТРУПЫ СЧИТАЕТ МЕНЯ ПРЕДАТЕЛЕМ.

Марк ДЕЙЧ

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

Представьте себе, кому Вас спрашивают? Театра? Никогда! Лучшие мои годы я провел в училище им. Шукшина и в Театре им. Вахтангова, который был для меня храмом. Да, я был "предателем", но это государство, которое предпринимало ошибку, променяло крошечку на будущее, и я уверен, как на самой положительной волне величия в человеческой истории СССР больше не существует, я приехал в новое государство — демократическую Россию. Вот же, Михаил Александрович, будущим гражданам свободной России, которые в лице своего учителя (три мои роли в училище были сделаны под его руководством) дадут знать, что я играл вместе с Вами, прекрасным артистом.

Я не осуждаю никого, кто называл меня предателем в 1980 году, — в ТОЙ стране это было нужно, и я это понимал. Но сейчас...

Посетившие второй спектакль "Принцесса Турандот" тележурналисты попросили Вас и Ланового высказаться по поводу происшедшего. Ваши ответы меня поразили.

Вы, Михаил Александрович, сказали, что меня официально никто не приглашал и что все это — моя личная инициатива. А Лановой ирриво ответил тележурналистам: "Так Зорин же нет!"

Какая привилегия! Лановой знал, что я в Москве, я попросил его о успехом возобновленной "Турандот". После первого представления я присутствовал в актерском фойе театра, где с шампанским отмечали успех спектакля и где Василий Семенович выступил в высшей степени упрямой и забавной вахтанговской привычке руководства театра, которое допустило на его сцену — цитирую Ланового — "Кацес, Шпиро, Чернышевский". В том же выступлении и я несколько раз много вынесено представителем того пункта в советском паспорте, который позволил мне эмигрировать. Подобного, слава Богу, я не слышал в течение 16 лет эмиграции.

Скажу Вам, Михаил Александрович, правду: были у меня мысли о возвращении в Россию. Теперь благодаря Вам они исчезли. Так же, как и уважение к людям, живущим, как оказалось, по советским меркам в другой стране по России.

Боль обиды не столько за себя, сколько за Вас заставила меня написать эти строки.

Эрист Зорин, актер,
Март 1997 г.

В общем-то, ничего особенного в этой истории вроде бы нет. Ну не получил актер ту роль, которую хотел сыграть. Бывает. Однако некоторые "сопутствующие детали" показались мне довольно интересными. Безусловно, встречаются еще отдельные товарищи, и сегодня ситуация недавних эмигрантов предательства. Но что бы в театре... И уж в особенности трудно было ожидать такого от Театра Вахтангова.

А может быть — полен?!

Получив копию Открытого письма, я попытался провести нечто вроде собственного расследования. Но столкнулся с едва прикрытым или же явным неприятием моих попыток. Это с одной стороны. А с другой — с откровенным страхом. Некоторые актеры театра говорили мне, что это изложено в письме Зорина соответствует действительности. Но повторить это публично (к примеру, по страницам "МК") отказались: "После этого мне в театре не работать", — говорили они.

Потому у меня остался единственный выход: рассказать эту историю в надежных главных действующих лиц. Точку зрения одного из них — бывшего актера Театра им. Вахтангова, заслуженного артиста РСФСР Эриста Зорина — вы уже знаете. Со всеми остальными я разговаривал по телефону. За точность их высказываний (как в целом, так и отдельных формулировок) ручаюсь.

1. Олег Форстенко, режиссер постановлений "Принцесса Турандот".

— Я думаю, тут нет смысла раздувать какую-то историю. Я договорился с Ульяновым, спросил его, как он относится к тому, чтобы Зорин приехал и сыграл Труффальдино. Ульянов ответил: "Ну, актер, это было бы интересно". Я позвонил Эристу и сказал, чтобы он приехал. Он приехал. Мы договорились, что в первом спектакле сыграет Алексей Кузнецов, а во втором — Зорин. Но по-

сле первого спектакля Михаил Александрович сказал, что, по его мнению, это будет неправильно, если играть будет Зорин.

— А почему?

— Вот этого я не могу вам сказать.

— Искусство — искусство, и, несмотря на авторитарную критику, которую пытаются выискивать причины этой истории, Ульянов якобы ответил, что официального приглашения у Зорина нет, и мы, то есть театр, его как бы не приглашали...

Михаил Александрович и мне так сказал: дескать, мы же официально с ним не говорили. Я попытался ему объяснить, сказал, что "Ваших слов" — это было бы интересно для меня было достаточно, низкий анжы мне не нужно было". Я сказал Михаилу Александровичу: "Зорин же не из Митиды приехал, а из Монпелье, что обобщило ему в зиную сумму, он ведь зарабатывает немаленько".

Силою, во всей этой истории больше всего неудобно чувствовать себя я. А что по поводу предательства, в котором якобы честь трупам обвиняет Зорин?

— Это наш "вопрос" — когда говорят об этом, "чужды этого не понимают". А когда я спросил конвенцию: кто? — ответа не получил. И когда Михаил Александрович сказал мне, что это неправильно (если играть будет Зорин), я ответил Ульянову: сказать об этом Зорину я не могу. Я не понимаю, сказал я, как это может быть, не если Вы как художественный руководитель готовы к такому разговору, то говорите с Зоринскими сами.

— Должны ли я понять вас так, что первый фразу о предательстве услышали вы? — Я не такой фразы не слышал. Но раз он ее сказал Зорину...

— Это — тайна?

— Нет, это просто не понимаю, за чем вам это нужно. Я — государственный, и этого никогда не скрывал.

— Журналисты тоже называют государственными...

— Некоторым людям, претендующим на это, гололобо — давайте оставим это секретом для "Московского комсомольца". То, что интересует меня выбором, мне и так известно, за кого я голосую.

4. Михаил Ульянов, художественный руководитель Театра им. Вахтангова.

— Михаил Александрович, мне хотелось бы с Вами поговорить пролить свет на историю с Зоринским...

— После продолжительного молчания? Значит, сподобился. Зорин, Эрик. Очень приятно живший в нашей коллективе, он в определенном плане уехал. Уехал по своему желанию, получив задание заслуженного артиста, получив квартиру. Он уехал, в общем говоря, не имея для этого никаких серьезных мотивов. Ну, ему захотелось, он уехал.

Прошли годы. Он приехал в Москву и попросил разрешения сыграть "Палау Нис" на нашей малой сцене. Мы ему дали такую возможность. И никаких проблем не было, кроме одного: Когда мы передали, что Зорин выразил желание сыграть в праздничном спектакле "Принцесса Турандот", мы не увидели логики: почему Зорину нужно выступать именно в этом спектакле, на который придет все Москва? Почему подделка в этом? Его обиды непонятны, он уехал самовольно, нового ни спросил. Это его право, он с нами не советовался. Работать там, там... Никакого отношения к обществу предательства не было. Не это был особый спектакль, и мы понимали, что это будет неправильно или не пошло. Вот и вся история.

Честно говоря, я еще не хотел войти в этот праздник театру-то неужно было. Ну зачем мне нужно было, чтобы честь зритель спрашивала: "А это что за актер? Куда он появился?" А другой чтобы отвечал: "Да это актер, который уехал". Зачем это нужно театру?

Никакой претензий у нас друг к другу не было. Кроме одного: в праздничном спектакле в честь 75-летия театра он захотел выступить. Почему? Что же нам делать с теми актерами, которые работали не здесь?

— Это логично. Но у вас же был праздничный спектакль. Почему в одном не сыграть Зорину, который был у истоков "Турандот" в постановке Семеновых?

— Ну, что значит... Ну два, ну три, мы пытались не рваться "Кавказ", а в зрительном зале... Дело рвалось, вообще в принципе этого праздничного спектакля.

— Михаил Александрович, а чем же здесь принцип?

— Вы сегодня шельм и вечер добива-

Москва, комсомол, 1984-1987

— И все-таки...

— Я понимаю, чего вы добиваетесь.

Но, думаю, до первоисточника мы с вами не доберемся. У нас была копия, у нас шла "Турандот".

— Олег Николаевич, вы не отказываетесь от того, что с официальной бумагой или без нее, но вы пригласили Зорина в Москву для участия в спектакле?

— Не отказываюсь.

2. Галина Коновалова, заведующая труппой Театра им. Вахтангова:

— А-а, вот зачем я вам понадобилась... Ни о каком предательстве я не слышала, об этом даже смешно говорить. Все было совсем по-другому. У нас был концерт, у нас шла "Турандот". И один артист, большой друг Зорина, сообщил ему об этом. И Зорин, поскольку он играл Труффальдино в постановке Рубена Семеновича, сказал, что хотел бы сыграть в юбилейном спектакле.

И как-то так это все закрутилось. И когда ему разрешили приехать, возник вопрос: а почему, собственно, Зорин должен играть? Он ушел из театра, уехал, а ему как раз перед этим дали звание и квартиру.

— Галина Львовна, вы говорите, что идея сыграть в юбилейной "Турандот" пришла в голову самому Зорину. Форстенко же утверждал, что это его идея...

— Ну, я всех этих тонкостей не знаю. Но если уж вы такой допытливый, давайте разберемся. Кто такой Форстенко, что он "пригласил"? Может быть, эта идея ему принадлежит, мне казалось, что она принадлежит Зорину, я точно не знаю. Будем считать, что это их общая идея. Но Форстенко должен был прийти с этой идеей к руководству.

А Зорин... В свое время театр так много для него сделал...

— А он всем нежная и душа и устал?

— Ну, так грубо я не сказала, но в общем...

3. Василий Лановой, актер Театра им. Вахтангова.

— Василий Семенович, как вы отнеслись к тому, что в юбилейном спектакле роль Труффальдино, может быть, сыграет Эрист Зорин?

— Скажете, а в связи с чем вот это вот, для чего это?

— Может быть, я опубликовал материал на эту тему.

— Материал? А зачем?

— Мне, журналисту, эта история кажется интересной.

— Я не понимаю, при чем здесь газета.

— Вы считаете, что тут нечем интересоваться? Или что это — сугубо внутреннее дело театра?

— Именно так.

— Но, может быть, вы все-таки ответите на несколько моих коротких вопросов?

— Не вижу в этом необходимости.

— Да, на один вопрос?

— Да. Но скажу то, что я думаю по поводу отъезда Зорина тогда, в 80-е, вам совсем не обязательно знать.

— Василий Семенович, за кого вы голосовали на последних выборах — если, конечно, это не секрет?

— А зачем вам это знать?

есть какой-то ответ, который вам нужен для чего-то, так сказать, действия: либо написать какую-то статью, либо поднять вокруг этого разговор. А вокруг этого разговор поднимать не надо, его не было. Мы сказали: нет, в праздничном вечере приоритет имеют тот актер, который и до этого репертуаром. Никакой политики мы в этом не имели в виду, никаких обоснований национального вопроса не было.

— Поскольку вы сами об этом упоминали (заметьте, я об этом не только не спрашивал, но даже не замечал), я выхожу в виду национального вопроса...

— О Господи! Вы ведете себя непристойно. Я вам сказал, что никакого вопроса, тем более национального, мы не поднимали, вы тут ничего не высосали...

— Слышали ли вы на банкете речь Василия Ланового, в которой он совершенно определенным образом упомянул о "Кацес, Шпиро и Чернышевский"?

— Этого, я честно говоря, так сказать, не могу вам точно сказать, что я слышал.

— Правильно. Оставим сколько-нибудь тему. Гораздо больше меня интересует "предательство"...

— Ну а если кто-то и сказал: "предательство"? А если он так считает? Почему вы записываете про людей, которые относятся к этому более остро, чем, скажем, я? Кто-то из актеров мог это сказать. Мол! Это его право. Ну сказал Иван Иванович Иванов, что это предательство? И что?

— Да ничего. Пахнет дурно.

— Ну и что?

— Так нехорошо же, когда дурно пахнет...

— Так ведь это один актер сказал. Один актер! Мне два. Или один.

— Не если вы заранее предположили, что по таким-то причинам Зорин играть не будет и не должен, зачем было его звать и обидеть?

— Кто его звал? Я? Его позвал товарищ, который намеревался говорить меня. А я, посоветовавшись с товарищами, сказал: не стоит. Его пригласило не руководство, это значит — приглашение неформальное... Я надеюсь, не будет никаких статей?

— Михаил Александрович, если я буду что-то печатать, я обещаю вас предупредить заранее.

— А я вам обещаю, что если вы что-то напишете, вы поднимаете шумиху. По поводу того, как ради интереса одного человека увлекаются интересами коллектива театра, который ни в чем не правился перед нами. Мы этого так не ставим.

5. Н., актер Театра им. Вахтангова:

— О "предательстве" Зорина я слышал от Василия Ланового, Юрия Коновалова знаю, что о том же говорил Михаил Ульянов. Но что касается высказывания Ланового о Зорине в актерском Бюро (он мне пишет в своем Открытом письме Зорину), то это — не первый случай. Но фактически мне прошу не называть, и тогда я этого повторю. Не ставя, поскольку в театре мне потом не работало.